

А. Трачевский

Новая история

Том 2. 1500-1750 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Трачевский А.**
Новая история: Том 2. 1500-1750 гг. / А. Трачевский – М.: Книга по Требованию,
2015. – 706 с.

ISBN 978-5-519-49202-7

Второе, исправленное и дополненное издание

ISBN 978-5-519-49202-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

§ 116. Экономическій упадокъ Франціи и оппозиція, 412.—
 § 117. Филиппъ Орлеанскій. Система Джона Ло, 416.—§ 118.
 Людовикъ XV. Флѣри, 420.—§ 119. Англія въ первой по-
 ловинѣ 18-го в. Виги и Анна, 423.—§ 120. Два Георга и
 Уэльсоль, 425.—§ 121. Голландія и Испанія въ первой по-
 ловинѣ 18-го вѣка. „Кардиналь-исполнив“ и четверной
 союзъ, 428.—§ 122. Италія въ первой половинѣ 18-го вѣка,
 432.—§ 123. Сѣверо-востокъ Европы въ первой половинѣ
 18-го вѣка. Карлъ XII и Петръ I, 436.—§ 124. Война за
 польскій престолъ, 440.—§ 125. Турція. Венгрія. Румыны,
 443.—§ 126. Шахъ и великій моголь, 449.—§ 127. Компаніи
 и колониальныя войны, 451.—§ 128. Дальній Востокъ, 454.—
 § 129. Новый Свѣтъ, 456.—§ 130. Государство, 459.—§ 131.
 Общество, 469.—§ 132. Церковь, 477.—§ 133. Понятія. За-
 чатки терпимости, 489.—§ 134. Фанатизмъ и суевѣрія. Про-
 блески разума, 495.—§ 135. Нравы. 1) Государство, 504.—
 § 136. Нравы. 2) Высшее общество, 513.—§ 137. 3) Низшіе
 классы. Смягченіе, 527.—§ 138. Просвѣщеніе. 1) Педагогія,
 537.—§ 139. 2) Публицистика. Языкъ, 556.—§ 140. Литера-
 тура. 1) Франція, 566.—§ 141. 2) Англія, 579.—§ 142. 3)
 Италія, Испанія, Германія, Скандинавія, 587.—§ 143. Науки.
 1) Положительныя, 594.—§ 144. 2) Философія, 608.—§ 145.
 3) Обществовѣдѣніе, 622.—§ 146. 4) Исторіографія. Фило-
 логія, 632.—§ 147. Искусство. 1) Зодчество и ваяніе, 638.—
 § 148. 2) Живопись въ Италіи, Испаніи и Нидерландахъ,
 643.—§ 149. 3) Живопись во Франціи и у тевтоновъ. Му-
 зыка, 648.—§ 150. Внѣшній бытъ. 1) Борьба съ пережит-
 ками, 656.—§ 151. 2) Низшіе классы, 662.—§ 152. 3) Знать.
 Моды, 668.—§ 153. 4) Города. Промышленность и торговля,
 676.—§ 154. 5) Финансы, 686.—§ 155. 6) Колоніи, 689.—
 § 156. Значеніе періода, 693.

I. Реформація и возрожденіе католичества. Около 1500—1600.

§ 1. Лютеръ.— „Мои предки—все настоящіе мужики“, говаривалъ сынъ тюрингенскаго рудокопа, *Мартинъ Лютеръ*, вождь нѣмецкаго народа, творецъ его языка и реформаціи. Онъ съ ужасомъ вспоминалъ свое средневѣковое воспитаніе (онъ род. въ 1483 г.): по его словамъ, онъ „сталъ робокъ отъ суроваго обращенія“; а нужда заставляла мальчика испытывать еще судьбу „школьника“ (*С. И.* § 144), выпрашивая хлѣбъ подъ окнами пѣніемъ кантовъ. Даже Эрфуртскій университетъ (*С. И.* § 149) не могъ оживить надломленную натуру юноши: Лютеръ не понималъ его гуманистовъ, и изъ него вышелъ плохой классикъ. Онъ „отчаялся въ себѣ, порой злился на Бога и ненавидѣлъ Его“: 20-ти лѣтъ онъ впервые узналъ Библію, 22-хъ—поступилъ въ августинцы. Старая драма исканія замолкшаго Бога совершалась въ кельѣ. „О, грѣхи мои, грѣхи!“ доносилось оттуда. Молодой монахъ принялъ изможденный видъ пророка; товарищи „едва могли смотрѣть ему въ глаза—такой дьявольскій огонь пылалъ въ нихъ“. Онъ ночи напролетъ читалъ Библію, ап. Павла, Августина да мистиковъ (*С. И.* § 140).

Но ничто не помогало. „Я не любилъ Бога,—сознавался потомъ несчастный монахъ,—пѣтъ, я ненавидѣлъ Его, негодовалъ на Него!“ Наконецъ, Лютеръ отправился въ Римъ на богомолье и, завидѣвъ его стѣны, палъ ницъ со словами: „О, святой, пресвятой городъ!“ Но здѣсь же онъ увидѣлъ все противорѣчіе между церковью и св. Писаніемъ, а также причину угнетенія Германіи: въ душѣ нѣмецкаго мужика, аскета и мистика закипѣло негодованіе—и ему „открылось самое Небо“. Онъ про-

свѣтлѣль и выступилъ живымъ символомъ переходной эпохи и нѣмецкой народности.

Съ одной стороны, это былъ революціонеръ, врагъ средне-вѣковщины, восторженный проповѣдникъ новыхъ началъ, здраво-мыслящій, добродушный тюрингенецъ, любитель пирушекъ, пѣсенъ, музыки, шутокъ, даже игры въ кости: по его словамъ, онъ „жралъ, какъ богемецъ, пилъ, какъ нѣмецъ“. Съ другой—другъ порядка и фюрстовъ, мелочный самолюбецъ, жестокій монахъ, сумасбродный мистикъ, буквоѣдъ-богословъ съ узкими воззрѣніями педанта. Онъ не могъ отдѣлаться отъ пережитковъ суевѣрія и схоластики: всю жизнь боролся съ чортомъ; изъ-за одного догмата, изъ-за фразы готовъ былъ погубить міръ. Когда задѣвали его самолюбіе, онъ становился лютымъ врагомъ не только оскорбителя, но и его убѣждений; при его упрямствѣ, многое зависѣло отъ случая, отъ перваго впечатлѣнія. Ему была ненавистна всякая идея, исходившая не отъ него: особенно не выносилъ онъ соперничества другихъ реформаторовъ.

Оттого жизнь Лютера полна противорѣчій. Въ одномъ онъ былъ неизмѣненъ—въ страстной ненависти къ папству да въ сохраненіи народныхъ чертъ характера. Коренастый нѣмецъ начала новой исторіи, онъ былъ образцомъ грубости, отсутствія свѣтскаго образованія и горячности, близкой къ бѣшенству: его перо и слово были отголоскомъ деревенской брани; на каждомъ шагѣ встрѣчается „чортъ-расчортъ“. Онъ близокъ къ народу по преобладанію сердца надъ разсудкомъ, по чувственности, по вѣрѣ въ чорта, по простотѣ краснорѣчія и языка, по любви къ пѣснямъ, сказкамъ и народному театру; а въ его ненависти къ Риму—наивно-грубый, искренній патріотизмъ и бодрый, неутомимый духъ работника.

Сначала въ Лютерѣ преобладали черты новаго человѣка. Онъ порицалъ обскурантовъ за Рейхлина (*С. II. § 150*). Ставши профессоромъ богословія въ Виттенбергѣ, онъ привлекалъ молодежь горячею критикой схоластики и Рима, доказывая, что „безъ гордости и жажды борьбы нельзя принести въ міръ ничего новаго“: онъ видѣлъ спасеніе въ одной „вѣрѣ“, въ „мудрости креста“. То же говорилъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ—и народъ радовался, что нашелъ выраженіе своихъ заветныхъ думъ, а курфюрстъ саксонскій, Фридрихъ Мудрый (*С. II. § 149*), сталъ другомъ молодого богослова.

Подобно соборянамъ, Лютеръ думалъ только о „реформациі“ церкви (*С. II. § 140*); но само папство довело его до разрыва. Вслѣдствіе неимовѣрной роскоши Льва X, курія стала съ осо-

беннымъ усердіемъ собирать деньги въ Германіи, подсмѣиваясь надъ „олухами“-нѣмцами. Она даже отдавала на откупъ индульгенціи (С. И. § 139), отпуская старые и „будущіе“ грѣхи всякому, не исключая убійцы и еретика. Лютеръ, по обычаю схоластиковъ, прибилъ къ дверямъ церкви вызовъ на диспутъ—*тезисы противъ индульгенцій* (1517), которые считаются началомъ реформации. То былъ осторожный протестъ, слабѣ тезисовъ Везеля (С. И. § 140): Левъ X не обратилъ на него вниманія и только замѣтилъ, что „этотъ Лютеръ—тонкая штука“; даже Гуттенъ радовался, что „монахи перегрызлись между собой“. Но „обскуранты“, только-что оскорбленные „Письмами Невѣждъ“ (С. И. § 150), забили тревогу. И не даромъ: одинъ тезисъ гласилъ, что „всякій христіанинъ, живой или мертвый, имѣетъ право на всю благодать Христа и церкви, по милости Божіей, и безъ индульгенцій“.

Фанатики старины стали писать пасквили на Лютера, при чемъ доказывали, что „индульгенція спасетъ даже оскорбителя Дѣвы“. Подъ ихъ вліяніемъ, папа велѣлъ Лютеру отречься отъ своихъ тезисовъ; но тотъ отвѣчалъ, подобно Гусу (С. И. § 117), что отречется, когда его опровергнуть. Встревожился схоластическій университетъ въ Лейпцигѣ, соперникъ виттенбергскаго, привлекавшаго молодежь свѣжестью направленія. Его краса, побѣдитель на восьми диспутахъ, профессоръ *Эккъ*, вызвалъ Лютера на состязаніе: блестящій диалектикъ, искусный латинистъ, изысканный ораторъ съ сильнымъ, гибкимъ голосомъ, онъ надѣялся на легкую побѣду надъ дубоватымъ, застѣнчивымъ, невѣжественнымъ монахомъ. Но Эккъ владѣлъ лишь схоластикой да каноническимъ правомъ, плохо зналъ св. Писаніе и пользовался дурною славой: онъ былъ подкупленъ Фуггерами (С. И. § 155), которые были замѣшаны въ торговлѣ индульгенціями. А за Лютера уже стояли гуманисты и власти: Фридрихъ Мудрый предвидѣлъ, что съ отмѣной индульгенцій увеличится его казна. Общество съ жадностью прислушивалось къ такимъ словамъ Гуттена: „Стаду уже надобѣдетъ пасторъ, который думаетъ только о стрижкѣ своихъ овецъ. Чтобы бить турка, нужно идти не въ Константинополь, а въ Римъ!“

Лютеръ уже былъ подхваченъ новымъ потокомъ: „Я не владѣю собой; я хотѣлъ жить въ мирѣ, а меня уноситъ въ водоворотъ революцій“, сказалъ онъ. Узнавъ о вызовѣ Экка, онъ воскликнулъ: „Эта гнилая башка смѣетъ свирѣпствовать противъ меня!“—и отправился на диспутъ, а за нимъ толпа студентовъ и даже бюргеровъ изъ Виттенберга. Лейпцигъ волно-

вался. Въ гостинницах стояла стража, чтобы не передрались поборники разныхъ направлений. Герцогъ Саксонскій, *Георгъ Бородастый*, родственникъ и соперникъ Фридриха, получившаго курфюршество при раздѣлѣ саксонскихъ земель, далъ для диспута роскошную залу своего дворца и самъ присутствовалъ на немъ. Состязаніе длилось 20 дней. Масса публики наслаждалась изворотливостью изящнаго схоластика; но Лютеръ, этотъ неуклюжій монахъ средняго роста, кожа да кости, потрясъ ее пылкостью и глубиной убѣжденія да смѣлыми, неожиданными тезисами, способными перевернуть міръ. За эти тезисы и схватился Экке: коварными допросами онъ довелъ противника до оправданія Гуса и тогда назвалъ его торжественно „язычникомъ и мытаремъ“.

Диспутъ окончился разрывомъ Лютера съ церковью, котораго онъ самъ такъ опасался: онъ объявилъ, что „папство — человѣческое учрежденіе“ и что „непогрѣшимо одно св. Писаніе“. Обскуранты чернили Лютера передъ властями, на каеэдрахъ и по домамъ: доискивались, кто изъ студентовъ читалъ Лютера, для примѣрнаго наказанія; требовали смечи его самого, какъ еретика; наконецъ, явилась булла, отлучавшая Лютера отъ церкви. Но Лютеръ уже сталъ вождемъ народа, болѣе популярнымъ, чѣмъ Рейхлинъ и Эразмъ (*С. И.* § 150): онъ уже выступилъ съ новымъ міровоззрѣніемъ, которое было революціей, хотя и названо старымъ именемъ *реформации*.

§ 2. **Реформация Лютера.**—Лютеръ ожесточился и сталъ грубо поносить своихъ враговъ, оправдываясь примѣромъ ап. Павла. Онъ сказалъ: „Меня насильно вовлекли въ борьбу, — такъ буду же вѣрно и усердно служить моему призванію. Всѣ мы гуситы: и Павелъ съ Августиномъ—гуситы“. Онъ все читалъ тогда Гуса, Виклифа, Везеля (*С. И.* § 140)—и появились его самыя радикальныя сочиненія, гдѣ положены основы реформации, въ ея первоначальномъ видѣ.

Вотъ эти основы. Природа—Божественное установленіе. Отсюда устраненіе аскетизма и безбрачія: бракъ—гражданское дѣло; онъ можетъ совершаться даже между христіанами, турками и евреями; разводъ—естественный вопросъ необходимости; даже многоженство не противно св. Писанію. Разумъ—также Божественное установленіе. Отсюда свобода мысли или критика: „всякій вправе толковать св. Писаніе по своему разумѣнію“. И ап. Павелъ сказалъ: „все испытайте—и возьмите лучшее“. Но нужно было дать исходную точку для разума, именемъ котораго злоупотребляли, вѣдь, и схоластики; а время было религіозное: отсюда признаніе боже-

ственности Библіи, особенно Евангелія. Изъ Евангелія, а еще больше изъ ап. Павла и Августина, Лютеръ вывелъ свой основной догматъ о первородномъ грѣхѣ и *благодати*, получаемой черезъ *вѣру* (С. II. §§ 4, 26, 139, 140).

Это противорѣчіе съ гуманизмомъ, основаннымъ на полной свободѣ воли и личности (С. II. §§ 148, 150), искупалось практическими послѣдствіями въ новомъ направленіи. Вѣрѣ, внутреннему убѣжденію противно все внѣшнее: отсюда отмѣна „добрыхъ дѣлъ“ (С. II. § 89), т.-е. всѣхъ обрядовъ, таинствъ и праздниковъ, кромѣ проповѣди, при томъ предоставляемой каждому, крещенія съ причащеніемъ, какъ символовъ, и воскресенія, какъ дня отдыха. При этомъ священство излишне: лишь для порядка община можетъ содержать на жалованьи проповѣдниковъ, ничѣмъ не отличныхъ отъ мірянъ, свободно избирая и отставляя ихъ. Монашество отмѣняется, а церковныя имущества становятся достояніемъ общества. Все сводилось къ общинѣ: самая церковь стала „собраніемъ вѣрующихъ“, съ Христомъ во главѣ вмѣсто папы, который превратился въ „Антихриста“, въ „язву міра“, гнѣздившуюся въ „пасти геены“, въ „Новомъ Вавилонѣ“ (Римѣ). Оттого „вовсе не еретики тѣ, которые не принадлежать къ римской церкви—греки, русскіе“ и др.

Свобода и критика должны лежать также въ основаніи политическихъ и общественныхъ отношеній. „Нельзя принуждать къ вѣрѣ, ибо мысль свободна: лучше заблужденіе, чѣмъ лицемеріе. Отнюдь не должно преслѣдовать не-христіанъ“. Ссылаясь на недовѣріе псалмопѣвца къ князьямъ міра, Лютеръ требовалъ выборныхъ властей, окруженныхъ представителями народа, и совсѣмъ уничтожалъ юристовъ съ ихъ римскимъ правомъ (С. II. § 137): „Должны царствовать любовь и естественное право; безъ нихъ не угодишь Богу, хотя бы ты поглотилъ всѣ своды законовъ и всѣхъ юристовъ“. Исходя изъ христіанскихъ принциповъ (С. II. § 156), Лютеръ не признавалъ историческихъ правъ. Возставая противъ аристократіи и капитала, онъ особенно заботился о крестьяннѣ: лѣса, дичь, рыба—общее достояніе; торговля не должна скопляться въ однихъ рукахъ болѣе, чѣмъ на 10.000; лишнее должно отдавать въ казну за 4%, а она пусть ссужаетъ бѣдныхъ за 5%. Доходы казны, а также церковныя имущества идутъ прежде всего на бѣдныхъ, затѣмъ на народную школу, которую должно преобразовать, вмѣстѣ съ университетами, на началахъ гуманизма и практическихъ требованій.

Лютеръ сознавалъ, что вступалъ на опасный путь. Въ

ту минуту по всей Германіи раздавался кликъ неукротимаго Гуттена — „Къ твоимъ шатрамъ, Израиль: жребій брошень! Да здравствуетъ свобода!“ И виттенбергскій монахъ сказалъ: „Слово Божіе — мечъ; война, это — разгромъ, соблазнъ, ядъ! Безъ волненія, озлобленія, мيتهжа не провести дѣла Евангелія“. Онъ призывалъ народъ къ возстанію, начиная съ „искорененія господства папства и владыкъ“. Въ пылкомъ воззваніи къ „нѣмецкому дворянству“ онъ требовалъ, во имя „свободы“, подняться „противъ самаго злого турка—противъ римской алчности“, и самъ первый бросилъ перчатку папѣ: публично сжегъ отлучительную буллу, вмѣстѣ съ каноническимъ правомъ, и написалъ „еретику и отступнику“, Льву X: „Тебѣ не остановить того, что грядетъ: у воротъ стоитъ что-то чудесное! Прощай, милый Римъ! Смерди-себѣ во вѣки вѣковъ!“.

§ 3. **Смута въ Германіи.**—Нѣмецкій народъ откликнулся на смѣлый призывъ къ освобожденію отъ римскаго рабства. Сочиненія Лютера и людей новаго направленія раскупались нарасхватъ, а памфлеты Экка съ товарищами шли на обертку. Въ страстныхъ, грубыхъ листкахъ прославлялся Лютеръ, какъ „любимецъ бѣдноты“; на лубочныхъ картинкахъ онъ изображался съ сіяніемъ или голубемъ надъ головой. Фридрихъ Мудрый отказался обнародовать буллу, которую осуждали даже нѣкоторые юристы и владыки; а Эккъ бѣжалъ ночью изъ Лейпцига отъ разъяренной толпы. Лучшие профессора и гуманисты склонились къ Лютеру, который самъ объявилъ свое дѣло продолженіемъ процесса Рейхлина. Его правою рукой сталъ родственникъ Рейхлина, сынъ ремесленника, *Филиппъ Меланхтонъ* (С. II. § 149), который напоминалъ Эразма и съ 20-лѣтняго возраста раздѣлялъ его славу.

Болѣзненный и кроткій до безхарактерности и заиканья, небольшая изящная фигурка съ мягкими свѣтлыми глазами, неутомимый труженикъ съ простою, живою рѣчью, Меланхтонъ „не искалъ блестящаго имени“, жилъ для науки, педагогій и семьи. Одною рукой онъ качалъ колыбель своего ребенка, въ другой держалъ книгу; передъ смертію самъ отнесъ въ типографію свою послѣднюю рукопись. Молодежь, для которой онъ былъ другомъ и отцомъ, осаждала его аудиторію въ виттенбергскомъ университетѣ. Родители прозвали его „учителемъ Германіи“ за его реформу школы и учебниковъ; Европа прославляла его, какъ красу новаго богословія и какъ тонкаго классика-стилиста. Онъ придавалъ реформаціи лоскъ гуманизма и старался примирить всѣхъ; но ему пришлось торько оплакивать

религіозныя войны и умереть среди „ярости фанатиковъ“, требовавшихъ его сожженія. Лютеръ сказалъ: „Мое дѣло—выкорчевывать пни, вырубать терніи и кусты, засыпать лужи; а магистръ Филиппъ идетъ за мной чистенько, тихонько и сбѣтъ да поливаетъ“. Гибкая натура сѣятеля навѣки привязалась къ коренастому пролагателю путей: Меланхтонъ, по его собственнымъ словамъ, выказывалъ „рабскую покорность“ Лютеру.

Самъ осторожный Эразмъ высказался въ пользу Лютера, какъ человѣка, который „не ищетъ ни почестей, ни денегъ“. Снова выступила дружина рейхлинистовъ (*С. И.* § 150), которые стали уже „лютеранами“. Они называли Лютера „вторымъ Павломъ, евангельскою трубой, новымъ Геркулесомъ“, цѣловали его сочиненія, выпускали много памфлетовъ въ духѣ „Писемъ Невѣждъ“, которые ихъ офени продавали по домамъ за безцѣнокъ. Съ особеннымъ жаромъ ринулся въ бой Гуттенъ (*С. И.* § 150), который возвратился тогда изъ Рима настоящимъ публицистомъ. Онъ уже проповѣдовалъ тиранобійство, въ примѣненіи къ папамъ или „царству Симона, гдѣ продаютъ самого Бога“. За нимъ уже гонялись папскіе сыщики; но онъ пріютился въ замкѣ рыцаря, Франца Сиккингенскаго, и завелъ свою типографію.

Отсюда выходили его лучшіе, огненные листки на родномъ языкѣ, въ томъ числѣ „Римская Троица“, гдѣ сатира нанесла самый жестокий ударъ папству. Гуттенъ становился вождемъ націи не хуже Лютера, котораго онъ называлъ „пророкомъ“, а себя—его „оруженосцемъ, готовымъ пролить за него свою кровь“; его имя прозвучало въ народной пѣснѣ. Неукротимый патріотъ, онъ поджигалъ гуманистовъ и массы, увѣщивалъ самого императора. „Не долго жить тираніи!—ободрайтесь нѣмцевъ.—Уже топоръ—у корня гибельнаго дерева: и очистится вертоградъ Господень. Скрученная, почти задуменная свобода вдругъ вырвется. Время всѣмъ подниматься; время распускать всѣ паруса, сѣдлать всѣхъ коней, выступать съ огнемъ и мечомъ!“ Легаты доносили папѣ: $\frac{9}{10}$ Германіи кричатъ—„Лютеры!“ а остальная $\frac{1}{10}$ кричитъ—„Да стинетъ римскій дворъ!“ Папству оставалось обратиться за помощью къ своей вѣчной соперницѣ—къ свѣтской власти.

Тогда умеръ Максимилианъ I (*С. И.* § 120), при которомъ императорская власть пала глубоко. Въ Германіи господствовало кулачное право. Фюрсты, владѣвшіе наемною пѣхотой и артиллеріей, не только подавляли земство, угнетали бюргеровъ и крестьянъ, но старались истреблять рыцарство. А обвиняли ры-

цари, обремененные кучей дѣтей и долговъ, подражавшіе имъ и бюргерамъ въ роскоши, соперничали съ ними въ ограбленіи народа, составляя родъ разбойничьихъ компаній на акціяхъ (С. И. §§ 138, 143). Но такъ какъ они грабили по преимуществу горожанъ-капиталистовъ, укрощали ненавистныхъ фюрстовъ, выставляли такихъ патріотовъ, какъ Гуттенъ, то народъ сочувствовалъ имъ. Сложился типъ рыцаря-демагога и вѣрнаго товарища, прикрывающаго свои разбои правомъ частной войны (С. И. § 59): Гёте запечатлѣлъ его въ образѣ *Гётца ф. Берлихингена*, жестокаго, но правдиваго рубаки, любимца толпы, отъ котораго сохранились записки.

Но вождемъ рыцарства былъ его тестъ, *Францъ Сиккингенскій*, смѣлый воинъ и великодушная, доступная идеямъ натура. Онъ обладалъ хорошою артиллеріей и ландскнехтами, которые пѣли, по смерти героя: „Я не забуду, не забуду его!“ Онъ смѣялся надъ опалой за разгромъ городовъ и фюрстовъ и пренебрегалъ подкупамъ со стороны императора и Франциска I. Владѣтель Сиккингена подчинялся вліянію Гуттена, который, укрывшись въ его замкѣ, долгими зимними вечерами убѣждалъ его въ правотѣ Лютера и въ возможности поднять рыцарство. Этотъ замокъ уже сталъ „убѣжищемъ справедливости“; и заклятый врагъ рыцарей, герцогъ Ульрихъ вюртембергскій, уже принужденъ былъ бѣжать, а его владѣнія отошли къ Австріи, что надолго дало Габсбургамъ преобладаніе въ Верхней Германіи.

При внутренней неурядицѣ падало и вѣншее значеніе Нѣмецкой имперіи. Богемія, Венгрія и Швейцарія стали независимыми; Шлезвигъ-Голштейнъ отошелъ къ Даніи; герцогство Пруссія превратилось въ вассала Польши (С. И. §§ 120, 137). Усиливались турки. Выдвигалась могущественная своимъ абсолютизмомъ Франція: прирейнскіе фюрсты уже въ 15-мъ в. закладывали ей свои земли; а Карлъ VIII, отправляясь въ Неаполь, предсталъ предъ ликующимъ народомъ въ императорскомъ облаченіи. Итальянскія войны были началомъ вѣковаго соперничества между романцами и тевтонами (С. И. § 129), которое уже подготовляло союзъ французовъ съ османліями. Онѣ кончились печально для Максимилиана I; а по смерти его (1519) императорство едва не досталось Франциску I, за котораго стояли и фюрсты, и самъ папа, въ надеждѣ на его послушаніе. Выборъ палъ на Максимилианова внука (С. И. § 127), Карла I испанскаго (какъ императоръ—Карлъ V), только потому, что за него были золото Фугтеровъ да страхъ передъ народомъ: нѣмцы